

Степан Рояк

**Я ЕСМЬ.
Контур**

Степан Рояк

Я ЕСМЬ. Контур

<https://litres.ru/74631108>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 360 году до нашей эры Платон придумал притчу об Атлантиде — и в ней прозвучал закон: система, набравшая силу раньше чувствительности, разрушает себя. Следующие две тысячи лет человечество пересказывало эту притчу, не замечая, что она не про остров. Эта книга прослеживает цепь искателей, которые искали одно и то же, не зная об этом: Игнатиус Доннелли искал общий корень цивилизаций в затонувшем материке, Елена Блаватская перенесла поиск внутрь — в «вспоминаемые» знания, Рудольф Штейнер сделал его моралью воли, Эдгар Кейси — инженерией кристаллов, а аффирмации нью-эйдж произнесли вслух формулу «Я Есмь То, Что Я Есмь», которая старше всех них на две тысячи лет. Все они остановились за полшага до практики — потому что миф, в отличие от упражнения, нельзя проверить и нельзя испортить. Адрес, который искали двести лет, находится не на дне океана, а в нервной системе: способность чувствовать и настраивать себя. Её нельзя купить, скачать или передать файлом — только вырастить.

Степан Рояк

Я ЕСМЬ. Контур

Двести лет человечество искало источник силы — и нашло его в собственном теле

Аннотация

В 360 году до нашей эры Платон придумал притчу об Атлантиде — и в ней прозвучал закон: система, набравшая силу раньше чувствительности, разрушает себя. Следующие две тысячи лет человечество пересказывало эту притчу, не замечая, что она не про остров. Эта книга прослеживает цепь искателей, которые искали одно и то же, не зная об этом: Игнатиус Доннелли искал общий корень цивилизаций в затонувшем материке, Елена Блаватская перенесла поиск внутрь — в «вспоминаемые» знания, Рудольф Штейнер сделал его моралью воли, Эдгар Кейси — инженерией кристаллов, а аффирмации нью-эйдж произнесли вслух формулу «Я Есмь То, Что Я Есмь», которая старше всех них на две тысячи лет. Все они остановились за полшага до практики — потому что миф, в отличие от упражнения, нельзя проверить и нельзя испортить. Адрес, который искали двести лет, находится не на дне океана, а в нервной системе: способность чувствовать и настраивать себя. Её нельзя купить, скачать или пере-

дать файлом — только вырастить. И к 2126 году, когда самочувствие можно будет делегировать системе, эта выращенная способность станет единственной собственностью, которую нельзя отнять. Книга сочетает историю идей, нейробиологию и авторскую телесную практику, переработанную из виброгимнастики академика Микулина. С изученными фактами, проверяемыми формулировками и дисклеймером, который не пропустит читателя мимо границ между мифом, наукой и опытом.

ПРОЛОГ. Разговор на скале

Около 360 года до нашей эры. Афины. Пожилой Платон диктует диалог «Критий» — второй текст о государстве, которое погибнет за один день и одну ночь. Первым был «Тимей»; там Атлантида только упомянута, там она — предмет спора. Здесь она станет местом действия: остров за Геракловыми столбами, больше Ливии и Азии вместе взятых, с металлургией, флотом, каналами и дворцами. Держава, которая пошла войной на весь известный мир — и была за одну ночь поглощена морем.

Платон умер, не закончив «Критий». Притча осталась без развязки — и, возможно, именно поэтому она прожила дольше, чем любая развязка могла бы дать: обрыв требует продолжения, а продолжение каждый век пишет заново.

С этого момента начинается история, которую рассказывает эта книга. Не история затонувшего острова — история

поиска. Два с половиной тысячелетия люди возвращались к образу утраченного совершенства и спрашивали одно и то же: что человечество потеряло? Где оно лежит? Как найти его обратно?

Ответы менялись вместе с эпохой. Античность видела пропавшую землю. Девятнадцатый век — пропавшую цивилизацию, от которой произошли все остальные. Начало двадцатого — пропавшее знание, спрятанное в тайных книгах и гималайских монастырях. Середина века — пропавшую технологию: кристаллы, лучи, летающие дворцы. Конец века — пропавшее измерение, доступное по подписке за веру.

Но если снять декорации, в каждом ответе живёт одна и та же жалоба: что-то важное во мне недоступно. Какой-то слой силы, ясности, цельности — был и ушёл. Остались свидетельства, намёки, отголоски. Поиск продолжается.

Эта книга берёт на себя две задачи, которые обычно считаются несовместимыми.

Первая — историческая. Пройти по цепочке искателей честно: где они правы, где ошибаются, откуда взялись их образы и почему их тексты оказались так живучи. Здесь будет мало сантиментов: Атлантида Платона — литературная конструкция, кристалл Кейси — склейка индийского эпоса и идей Теслы, «Вайманика Шастра» — подделка двадцатого века. Скептик найдёт в этих главах опору.

Вторая — практическая. Показать, что под каждым мифом этой цепочки лежит реальная структура, которую мож-

но не вообразить, а проверить. Внимание, которое собирает рассеянное, как купол Зала Света. Точка сборки, в которой сходятся потоки, как в кристалле Туаой. Волна, которая идёт по оси тела, если не форсировать её силой. Состояние наблюдателя, которое не меняется, когда меняется всё вокруг, — и к которому триста лет клацали подступы самые разные традиции, от Книги Исхода до аффирмаций нью-эйдж.

Между этими задачами — мост, и он держится на одном утверждении, которое будет проверяться всю книгу: **мифы об утраченной силе — это точные карты неточных адресов**. Люди не выдумывали стремление из ничего. Они чувствовали реальный слой самости — и не умели найти его адрес, поэтому указывали на остров, книгу, кристалл, гору. Адрес был не там. Но сам слой — вот он, ближе, чем принято думать: между вдохом и выдохом, в оси от стоп к темечку, в позиции, из которой вы смотрите на собственные ощущения.

И потому финальный ход книги — не в прошлое, а в будущее. Если этот слой реален, то его можно делегировать. Трекеры уже сегодня читают сон и пульс; завтра — настроенное, послезавтра — целостное самочувствие. К 2126 году вопрос «кто читает мои сигналы — я или система» станет главным водоразделом, важнее границ и классов. Традиция, которая двести лет искала утраченное, окажется пророческой в неожиданном смысле: она предупреждала не о гибели континента, а о гибели чувствительности.

Как устроена книга. Часть первая — «Искатели»: семь глав о людях и текстах, которые построили миф. Часть вторая — «Тело»: как тот же поиск выглядит, когда адрес найден, — три главы о практике, от разбора кристалла до наблюдателя. Часть третья — «Будущее»: притча о потере настройки и модель общества 2126 года, где выращенная способность становится суверенитетом.

Каждая глава заканчивается факт-блоком — проверяемыми датами и источниками, которые можно использовать в работе или споре. Книга завершается практикумом: три минуты в день, без которых всё предыдущее остаётся красивой историей.

Начнём со скалы, на которой стоял человек, услышавший фразу, с которой всё началось.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСКАТЕЛИ

Глава 1. Платон: притча, которую не удержали

Рассказ в трёх передачах

Атлантида входит в мир не как утверждение, а как пересказ. В «Тимее» Платон выстраивает цепочку из четырёх звеньев: безымянный афинянин вспоминает рассказ Солона, который тот услышал от египетских жрецов в Саисе, а те — от своих древних записей. Четыре передатчика, ни одного прямого источника.

Это не небрежность, а приём. В греческой литературе да-

лёкий источник — способ говорить о важном, не беря на себя авторство: чем дальше свидетель, тем меньше его можно допросить. Но у приёма есть цена: притча с первого дня скользит между «историей» и «образом», и читатель волен выбрать. Восемьсот лет читатели выбирали образ. Потом, в девятнадцатом веке, кто-то всерьёз выбрал историю — и индустрия не остановилась до сих пор.

Что именно говорит Платон

Сюжет «Крития» узнаваем, и в этом его сила. Атлантида — не варварская страна и не дикая окраина: это зеркало Афин, доведённое до предела. Потомки Посейдона живут по законам, данным им «как стадо, послушное велению божества». Богатство у них «вызывало скорее недоумение, чем высокомерие», потому что «истинное благо они видели не в золоте». Затем — тот самый знаменитый переход: «Но когда божественное начало в них разбавилось смертным, смешавшись со многим человеческим, — и человеческий характер взял верх...» Дальше — алчность, война против Афин, и катастрофа: «за один день и одну несчастную ночь» остров исчезает в море.

Постройте этот текст как схему, и вы получите не географию, а функцию:

есть сила, данная изначально и согласованная с её источником;

есть закон, который держит силу в рамках;

есть постепенное «разбавление» — не события, а дрейф;

и есть финал: система разрушена не противником, а собственной невидимостью своих сигналов.

Платон писал политическую притчу — о пределе, который проходит любой государственный строй, если сила отрывается от дисциплины. Он не знал слова «система», не знал слова «саморегуляция». Но структура, которую он описал, — точная.

Почему притча вырвалась

У «Крития» есть свойство, определившее его судьбу: он не закончен. Платон собирался развить сюжет — возможно, третьим диалогом, «Гермократом», — и не успел. Текст обрывается на описании устройства атлантической империи, не дойдя ни до войны, ни до катастрофы в полный экран.

Незавершённость — идеальная питательная среда. Каноническую притчу читатели обязаны принять целиком; незаконченную — вправе достроить. И достраивали два тысячелетия: историками, богословами, оккультистами, инженерами, психотерапевтами. Каждая эпоха вписывала в пустое место свою тревогу. Девятнадцатый век вписал колониальные упрёки и фантазии о прародине рас. Двадцатый — атомную бомбу (внезапно и невольно: «сила, которой не хватило мудрости» — самое точное описание ядерной эры, и это заметили почти сразу после Хиросимы). Двадцать первый — цифровую.

Платон сделал то, что делает великий автор: дал форму, которая выдерживает любое содержание. Проблема на-

чалась, когда форму начали выдавать за содержание.

Первая проверка: где только источник?

Зададим вопрос, который задавали серьёзные исследователи все последние столетия: если Атлантида была реальной, почему её нет ни в одном тексте до Платона? Ни у Гомера, ни у Гесиода, ни у Геродота, который переписывал всё, что слышал, с точностью до метров и жрецов. Ни в египетских хрониках, на которые Платон якобы опирается, — а египтяне записывали почти всё, что считали важным, включая набеги морских народов и неурожаи.

Ни один античный автор до Платона не упоминает Атлантиду. Впервые она появляется в тексте, который её и создал, — и сразу же в форме притчи о гибели, *morals*, а не хроники. Аристотель — прямой ученик, лучше всех понимавший метод учителя, — сформулировал позицию коротко и жёстко: «Тот, кто придумал её, сделал её исчезнувшей».

Среди исследователей сегодня нет значимой группы, которая считает Атлантиду исторической реальностью в платоновской географии. Есть геологические, этнологические и археологические кандидаты на «прототипы» — остров Санторин и минойская цивилизация (взрыв вулкана примерно в 1600 году до н. э. действительно уничтожил целый мир за день и ночь), Тартесс в Иберии, Британия, даже побережье Кипра. Каждый из этих прототипов объясняет часть деталей притчи. Ни один не объясняет деталей «Крития» целиком. А Платон и не обещал объяснять — он обещал думать.

Структурный закон

Но если притча не история, что в ней работает? Работает закон, который Платон описал раньше, чем человечество назвало его. Назовём его законом опережения силы.

Сформулируем его без мистики: **любая система, которая наращивает мощностъ быстрее, чем чувствительностъ к тому, куда эта мощностъ идёт, становится неуправляемой и разрушается от избытка, а не от поражения.**

Афины в притче Платона — противоположностъ Атлантиде не в силе, а в дисциплине: афиняне «не расточительны, не горды, трезвы». Атланты — богаче, искуснее, мощнее. И проигрывают не на поле, а в структуре: сначала теряют способность слышать, потом теряют всё.

Это не абстрактная мораль. Это схема, которую каждый человек проживает на собственном опыте: злоупотребление ресурсами, разрешение себе, компенсация усталости стимуляцией, потеря чувствительности к телу — и наступившая как «внезапно» поломка. Сигналы шли всё время. Просто система перестала их слышать раньше, чем они стали криком.

Закон опережения силы — это не архаика. Это описание, к которому человечество возвращается снова и снова — от Платона до стандартов безопасности в инженерии. В финале книги мы вернёмся к нему: он же описывает главный риск цифровой эпохи, просто с другой стороны — не через кристаллы, а через аутсорсинг собственных сигналов.

Платон не удержал притчу — она вырвалась в два тысячелетия самостоятельной жизни. Но прежде чем её перепишут и раскрасят, её нужно было забыть почти полностью — и это тоже история. Следующая глава — про человека, который сделал Атлантиду бестселлером, полагая, что спасает её для науки.

Факт-блок

«Тимей» и «Критий» датируются примерно 360 годом до н. э.; «Критий» обрывается в середине повествования — вероятно, из-за смерти автора.

Ни один античный источник до Платона не упоминает Атлантиду; первое «внешнее» свидетельство — пересказы самого Платона.

Аристотель, по сообщению поздних схолиастов, считал Атлантиду литературным приёмом учителя.

Прокл Диадокх (V век н. э.), комментируя «Тимея», отмечал, что уже в его время среди интерпретаторов Платона шли споры: понимать Атлантиду буквально или как образ.

Минойская цивилизация на Крите и взрыв вулкана Санторин (примерно 1600 до н. э.) — наиболее часто называемый «прототип» катастрофы; ни один прототип не покрывает все детали притчи.

Глава 2. Доннелли: человек, который превратил притчу в историю

Политик, который занимался не тем

Игнатиус Доннелли родился в 1831 году в Филадельфии, в семье ирландских эмигрантов. К тридцати годам он успел стать лейтенант-губернатором Миннесоты и congressman от этой же территории — три срока в Палате представителей США. Политика была его первой профессией: он работал в комиссиях, спорил о деньгах, писал законопроекты. А ещё он всю жизнь искал большие ответы о прошлом человечества — и искал их с энергией, которой хватило бы на отдельную жизнь.

В 1882 году, в пятьдесят один год, он издал «Атлантиду: мир до потопа» — книгу, которая перевернула жанр. До Доннелли Атлантида была философским артефактом: ею занимались философы и комментаторы. После Доннелли она стала полемом: за ней пошли геологи, антропологи, авантюристы, издатели, идеологи. Он не открыл затонувший материк — он открыл читателя, который готов в него верить.

Тринадцать тезисов и их вес

Книга построена как система: Доннелли не предлагает догадку, он предлагает теорию. Среди его центральных тезисов:

все древние цивилизации — Египет, Персия, Индия, Перу, майя — производные от одной, атлантической;
мифы о потопе в Индии, Вавилоне, Греции, Скандинавии — воспоминания об одной катастрофе, гибели Атлантиды;
боги греческого пантеона — реальные атлантические ца-

ри, воспоминание о которых обросло культом;

письменность финикийцев и письменность майя происходят из общего атлантического корня;

Атлантида располагалась в Атлантическом океане, «у Геракловых столбов» — как прямо сказано у Платона.

Каждый тезис Доннелли подкреплял параллелями: сходными словами в разных языках, сходными постройками, сходными мифами о потопе. Это был настоящий научный метод — только без главного условия: он брал сходство за доказательство. Два языка могут иметь похожие слова по случайности; две пирамиды — из одинаковой инженерии, а не из одного атлантического гена. Проверить гипотезу Доннелли средствами его эпохи было невозможно — и это сделало её бессмертной: она не могла быть опровергнута, потому что не была сформулирована так, чтобы опровергаться.

Книга прошла через десятки изданий за два десятилетия — к 1890 году она уже стала бестселлером, а к середине двадцатого века выдержала около полусотни переизданий. Позднейший биограф атлантологии Л. Спрэг де Камп сухо отметит: Доннелли превратил Атлантиду в популярный культ, ничего не доказав.

Что Доннелли искал на самом деле

Но вот что важно для этой книги — то, что Доннелли ошибся во всём и при этом попал в главное.

Смотрите, на чём держится его текст. Под всеми культурами — общий корень. Под всеми мифами — одно воспомина-

ние. Под всеми письменностями — одна прародина. Это не теория о геологии. Это жалоба на раздробленность: человек девятнадцатого века, живущий в мире, разорванном войнами, империями и школами, хочет увидеть, что под всем этим лежит что-то единое.

Доннелли это потребность услышал и выразил — но пошёл искать в географию. Общий корень человечества он искал в океане. И не нашёл бы там ничего, потому что корень лежит не под дном океана, а под всеми телами: ****нервная система у всех людей устроена одинаково****. Общая база, из которой выросли все культуры, — это не остров и не письменность, а общая способность чувствовать, настраивать себя и помнить. Не «памятник», а «орган».

Прецедент, который создал жанр

Третий результат Доннелли — самый неожиданный. Он создал не только книгу, он создал схему, которая потом разошлась по всем эзотерическим традициям. Схема выглядит всегда одинаково:

1. Есть утраченный источник (материк, книга, народ, технология). 2. Сохранились осколки — в мифах, архитектуре, языках, обрядах. 3. Существуют хранители — те, кто ещё помнит целое. 4. Есть путь возвращения — через посвящение, расшифровку, экспедицию.

Подставьте в эту схему любого последующего автора — Блаватскую, Штейнера, Чёрчварда, Кейси, любой нью-эйдж текст — и она сойдётся. Доннелли дал шаблон, в который

следующие сто тридцать лет вставляли новое содержание. И это не осуждение — это описательное наблюдение. Схема работает, потому что она отражает реальную человеческую потребность: вернуть то, что ощущается утраченным.

Разница между этим и практикой

И здесь — первый поворот книги. Противопоставьте Доннелли тому, что делает практика. Доннелли говорит: знание было, потерялось, его нужно раскопать — где-то там. Практика говорит: способность есть, она не утрачена, её нужно ощутить — здесь, сейчас, в теле.

Доннелли отправляет вас в экспедицию. Практика отправляет вас к себе. Первый путь требует денег, времени, разрешения и удачи. Второй — трёх минут и честности.

Ни тот, ни другой путь не гарантирует результата. Но у практики есть то, чего не было у Доннелли: ****проверка****. Вы можете проверить, идёт ли волна по оси, сегодня, за три минуты. Миф Доннелли можно проверять ещё сто лет — результат не изменится, потому что проверять нечего.

* * *

В следующей главе — человек, который понял слабое место Доннелли и сделал следующий шаг: Елена Блаватская, перенёсшая поиск из географии в сознание. Но не дошедшая до конца.

Факт-блок

Игнатиус Доннелли (1831–1901): лейтенант-губернатор Миннесоты (1860–1863), член Палаты представителей США

(1863–1869).

«Атлантида: мир до потопа» (Atlantis: The Antediluvian World), 1882; переиздания продолжаются до XXI века.

Другая книга Доннелли — «Рагнарёк: век огня и гра́вия» (1883) — отстаивала гипотезу о катастрофе, вызванной столкновением Земли с кометой; тоже не подтвердилась.

Третья линия карьеры Доннелли — шекспировский вопрос: книга «Великий криптограм» (1888) отстаивала авторство Бэкона; не принята наукой.

Схему «утраченный источник → осколки → хранители → путь возвращения» Доннелли формализует первым; она стала каркасом всей последующей атлантологии.

Глава 3. Блаватская: перенос поиска внутрь Поворот, определивший язык века

Елена Петровна Блаватская (1831–1891) — фигура, вокруг которой до сих пор идут споры: для одних — мошенница и писательница, для других — один из значимых синтезаторов XIX века. Для задач этой книги важнее другое: она совершила ход, который определил эзотерический язык всего двадцатого столетия.

В 1875 году в Нью-Йорке, вместе с Генри Олкоттом и Уильямом Джаджем, она основала Теософское общество. В 1877-м вышла «Разоблачённая Изида», в 1888-м — «Тайная доктрина», двухтомный труд, ставший базовым текстом целого направления.

Атлантида переносится в сознание

Первый и главный ход Блаватской: Атлантида уходит из географии в эволюцию сознания. В «Тайной доктрине» человечество проходит через семь «коренных рас» — не расы в биологическом смысле, а стадии развития восприятия. Атланты — четвёртая стадия. Каждая раса — уровень, через который проходит и человечество в целом, и каждый человек в индивидуальном развитии.

Снимите терминологию — и вы получите схему уровней развития восприятия. То, что сегодня называли бы онтогенезом сознания. Важно подчеркнуть: Блаватская не писала психологию — она писала мифологию. Но структура её текста — структурная, не историческая: речь о том, что сознание человека имеет уровни, а не только возраст.

«Вспоминай»: формула, живущая до сих пор

Второй ход — тот, что прошёл дальше всех. Знания не изучают, а вспоминают. У Блаватской это выражено в легендах: «Книга Дзиан», махатмы Гималаев, посвящённые — источник знаний не вне человека, а глубоко внутри; их надо «вспоминать», а не «получать».

Обратите внимание, что это уже знакомая схема Доннелли в новом наполнении: утраченный источник — не материк, а твоя собственная глубина. Осколки — интуиция, сны, «дежавю» знания. Хранители — посвящённые. Путь возвращения — практика созерцания.

И это первый настоящий сдвиг цепочки. Доннелли искал

общий корень снаружи. Блаватская — внутри. Но остановилась за полшага до конца: её источник всё ещё нуждается в легенде — в махатмах, в Книге Дзиан, в атлантах. Знание внутри, но подтверждение знания — снаружи. Это половина пути.

Третий ход: катастрофа из деградации

Третий структурный ход Блаватской — механизм гибели. Атланты погибли, «увлѣкшись материальным» — увлеклись силой и плотностью, потеряли духовный баланс. Это уже точнее, чем у Платона: у Платона — деградация нравов; у Блаватской — деградация восприятия. Впервые появляется идея, что катастрофа — не наказание, а следствие: система, потерявшая связь с собственным источником, разрушает себя механически.

Это же — первый шаг к образу, который потом разовьѣт Кейси: «перенастройка», «частоты», «потеря связи».

Критика и цена

Блаватскую критиковали при жизни и критикуют сейчас. «Общество психических исследований» в 1885 году опубликовало доклад, где обвиняло её в мошенничестве; часть обвинений позже была пересмотрена, но репутация не восстановилась полностью. Отдельная и тяжѣлая страница — то, что учение о «коренных расах» позднее было использовано в ариософии, и ответственность за это — на тех, кто перечитал «расы» как биологические категории, — лежит на перечитавших, но тень остаѣтся на всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.